

судят о его главных достоинствах. Следовательно, не нужно выдвигать человека на командные посты лишь из уважения к его богатству; в равной степени было бы ошибкой презирать достойного человека единственно по причине его бедности⁵.

Примерно так же, по мысли Онасандра, следует подходить к вопросу о благородстве происхождения военачальника. Счастлив стратиг, личные достоинства которого сочетаются со славой и достоинством его предков. Однако было бы безрассудно при выборе военачальника взирать только на благодетели его отцов и дедов, не обращая внимания на его собственные качества: знаменитость происхождения без собственных доблестей для него бесполезна. Зачастую случается так, что на военном поприще гораздо лучше проявляет себя человек, который не может похвалиться своими предками, ибо он с гораздо большей ревностью исполняет свои обязанности, желая сокрыть незнатность происхождения личными неусышными стараниями и прославить свой род перед грядущими поколениями собственными славными заслугами⁶.

Анализ данного пассажа «Стратегикоса» приводит к выводу, что Онасандр решает проблему в чисто умозрительном, общепhilософском плане. Сформулированные им критерии нравственного облика идеального военачальника лежали в сфере чистой абстракции: построенные на отвлеченных принципах — благоразумия и здравого смысла, они фактически никак не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо соотносились со спецификой должности, к которой прилагались. Именно в силу своей безотносительности и универсальности максимы Онасандра оказались столь долговечными — они охотно заимствовались позднейшими авторами вплоть до самых последних представителей военно-литературной традиции. Идеал был сформулирован — задача состояла лишь в том, чтобы скорректировать его относительно сферы военной службы в ту или иную историческую эпоху.

Первый опыт такой корректировки был дан самим Онасандром. Убедительно аргументирован им критерий красноречия⁷: искусство возбуждать словами мужество воинов накануне битвы, умение утешить и вдохновить их в случае поражения имеют действительно неоценимое значение в армейской практике. Удачно преломлен применительно к армии критерий психологической уравновешенности, справедливости по отношению к подчиненным: излишняя мягкость разлагает воинскую дисциплину, всепрощенчество возбуждает презрение, а жестокосердие — ненависть к командиру⁸. Скольким реминисценциям в позднейших военных трактатах дала жизнь эта, в сущности, простая, но богатая по содержанию мысль! Однако большинство из сформулированных критериев так и остались «немилитаризованными»: вероятно, Онасандр осознавал те издержки, которые неизбежны при слишком резком «заземлении» абстрактного идеала.

В некоторых случаях, когда Онасандр все же пытался это сделать, его идеальные построения подвергались серьезным модификациям. Так, он указывает, что в «смутные времена» лучше ставить знатных и богатых людей на должности военачальников. Первое из этих качеств поможет им скорее завоевать доверие, а возможность оказывать материальную помощь своим подчиненным еще больше укрепит их влияние⁹. Как видим, реальная жизнь оказывалась гораздо грубее и прозаичнее прекраснодушных рассуждений о почтенной бедности и благоприобретенном личном достоинстве, которыми тенит себя этот «платонический философ».

Спустя пять с лишним столетий проблемы нравственного облика военачальника волновали и автора «Стратегикона». Маврикию хорошо известны онасандровские критерии идеального полководца — все они (с боль-

⁵ Ibid., I, 19—20, p. 382.

⁶ Ibid., I, 24—25, p. 382—386.

⁷ Ibid., I, 13—16, p. 378—380.

⁸ Ibid., II, 2, p. 386.

⁹ Ibid., II, 5, p. 386—388.